

России». В 2018 году УМВД России по Курганской области доведет проблему до региональных парламентариев, при поддержке которых планируется вернуть за-

конопроект к дальнейшей проработке и рассмотрению в Государственной Думе Российской Федерации.

Жильцов А.В.,

кандидат юридических наук

Сибирский юридический институт МВД
России (г. Красноярск)

**О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ
ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 20.17 КоАП РФ**

Как известно, одним из важнейших условий правильного применения административной ответственности является обеспечение всестороннего анализа исходной ситуации, основанного на сборе информации, необходимой и достаточной для принятия обоснованного решения. Именно этот этап правоприменительной деятельности обеспечивает правильную квалификацию деяния, в том числе установление в действиях лица всех признаков объективной стороны конкретного правонарушения. Однако изучение практики применения судами административной ответственности по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 20.17 КоАП РФ, показало, что при разрешении дел судьи зачастую заостряют внимание на одних элементах, характеризующих событие правонарушения, не обращая внимание на другие, имеющие не менее важное значение. Думается, что причиной этому, кроме всего прочего, является несовершенство законодательной конструкции диспозиции соответствующей нормы Особенной части КоАП РФ.

С учетом того, что в научной литературе изучению проблем, возникающих в обозначенной сфере, внимания практически не уделяется, а их решение имеет важное теоретическое и практическое значение, рассмотрение этих вопросов является актуальным.

Статья 20.17 КоАП РФ в качестве деяния, за совершение которого наступа-

ет административная ответственность, установила самовольное проникновение на охраняемый объект. При установлении наличия признаков объективной стороны состава административного правонарушения правоприменителю требуется установить соответствие имевшего место события признакам, описанным в законе, однако законодательная конструкция нормы делает это затруднительным.

Во-первых, несмотря на достаточно широкое использование термина «проникновение» (например, в ст. 11.3.1 КоАП РФ речь идет о «проникновении», в ст. 20.27 КоАП РФ – о «несанкционированном проникновении», в ст. 18.13 КоАП РФ – о «незаконном проникновении»), до сегодняшнего дня отсутствует его официальное толкование.

Закрепленное в диспозиции ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ описание объективной стороны правонарушения, на наш взгляд, не позволяет ответить на вопрос, что следует понимать под проникновением: свершившийся акт, когда лицо пересекло границу охраняемого объекта и находится на нем (на его территории, внутри помещения и т.п.), или речь идет о процессе проникновения, и делинквент предпринимает попытку самовольного вхождения (проникновения) на такой объект. Отметим, что лишь однозначное понимание закрепленного в законе термина «проникновение» способно обеспечить правильное решение вопроса о моменте окончания административного правона-

рушения, предусмотренного ст. 20.17 КоАП РФ.

Во-вторых, не до конца ясно, следует ли считать наказуемым проникновением на охраняемый объект ситуацию, когда лицо входит на его территорию, не осознавая, что объект находится под охраной (отсутствует ограждение, контрольно-пропускной пункт и предупреждающие знаки). Думается, что деяние может быть квалифицировано по ст. 20.17 КоАП РФ лишь в случаях, когда лицо осознает противоправность своего поведения, однако практика решения данного вопроса противоречива. Так, в 2017 году имел место факт составления протокола об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ, в отношении гражданина Щ., осуществлявшего длительную стоянку принадлежащего ему автомобиля в охранной зоне магистрального трубопровода (в 0,3 метрах от обваловки трубопровода ОАО «Газпром»). Представитель Камчатского отряда охраны филиала ПАО «Газпром», являющегося ведомственной охраной и осуществляющего охрану магистрального газопровода, указал, что на всей протяженности магистрального трубопровода установлен пропускной режим который, в частности, выражается в запрете стоянки транспортных средств в охранной зоне трубопровода, находящегося под землей. При съезде с центральной дороги имелся знак, предупреждающий о наличии газа, знаков о запрете стоянки в охранной зоне магистрального трубопровода не было, ограждение и контрольно-пропускной пункт в данном месте отсутствовали. Мировым судьей судебного участка № 24 Камчатского края дело об административном правонарушении было прекращено за отсутствием состава административного правонарушения (постановление по делу об административном правонарушении № 5-1052/2016).

Думается, что одной из причин возникновения подобных ситуаций является несовершенство законодательной конструкции ст. 20.17 КоАП РФ.

В-третьих, диспозиция статьи закрепляет характеристику проникновения – его самовольность, тогда как в названии

статьи речь идет о нарушении пропускного режима. Очевидно, что два указанных выше действия не тождественны. В русском языке под самовольным понимается действие (поступок), совершаемое по своему усмотрению, прихоти, произвольно. То есть самовольность является характеристикой отношения лица к совершаемому им проникновению и указывает на умышленную форму его вины. При этом под нарушением установленного правового режима необходимо понимать пренебрежение режимными правилами, которые могут выражаться в проникновении на объект либо в иных деяниях нарушителя, например нарушении правил выхода с объекта, правил вноса (выноса) имущества и т.п. Справедливость данного утверждения подтверждается положениями действующего законодательства. Так, согласно Федеральному закону от 19.04.1999 г. № 77-ФЗ «О ведомственной охране» под пропускным режимом охраняемого объекта подразумевается порядок, обеспечиваемый совокупностью мероприятий и правил, исключающих возможность бесконтрольного входа (выхода) лиц, въезда (выезда) транспортных средств, вноса (выноса), ввоза (вывоза) имущества на охраняемые объекты и с охраняемых объектов.

Однако анализ практики свидетельствует, что зачастую правоприменители воспринимают указанные выше термины в качестве тождественных. В этом контексте достаточно показательным выглядит решение судьи Свердловского районного суда г. Перми (решение по делу об административном правонарушении от 25 августа 2017 года № 12-875/2017). Гражданин Ю. был привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ. В жалобе на постановление гражданина Ю. с выводами суда первой инстанции не согласился, в свое оправдание указал, что прошел через турникет охраняемого объекта в сопровождении судебных приставов. Судья Свердловского районного суда г. Перми данный довод отверг, указав, что из материалов дела об административном правонарушении следует, что Ю., не имея пропуска, то есть самовольно, проник на охраняемую в ус-

тановленном порядке территорию ЗАО «Пермрыба», ссылка в жалобе о том, что Ю. прошел через турникет в сопровождении судебных приставов основанием для отмены обжалуемого постановления не является, поскольку Ю. зашел на территорию предприятия без пропуска в нарушение установленного в ЗАО «Пермрыба» пропускного режима. И это не единственный случай отождествления правоприменителем терминов «самовольное проникновение на объект» и «проникновение на объект с нарушением пропускного режима», данный подход используется в практике довольно часто (напр.: постановления мирового судьи Кылтовского судебного участка г. Емва (Республика Коми) № 5-808/2017, мирового судьи судебного участка № 24 Камчатского края № 5-1052/2016 и т.д.).

Думается, что событие административного правонарушения, предусмотренного ст. 20.17 КоАП РФ, образуют не все деяния, нарушающие пропускной режим, а лишь те, которые связаны с входом или (въездом) на охраняемый объект, и правоприменителю необходимо выяснить, имели ли место обстоятельства, подтверждающие факт нарушения установленного на объекте пропускного режима. Наличие же у лица умысла на проникновение на охраняемый объект (самовольность проникновения) устанавливается при доказывании субъективной стороны.

В-четвертых, законодательство устанавливает целый ряд административно-правовых режимов охраняемых объектов, различающихся между собой по основаниям (причинам) установления режима, характеру применяемых охранных мероприятий и субъектам, обеспечивающим исполнение режимных правил (охрану объекта, пропускной и внутриобъектовый режим)¹, выделяют объекты, подлежащие обязательной охране, объекты, подлежащие государственной охране, объекты на коммуникациях, охраняемые объекты, важные государственные объекты, особо важные и режимные объекты.

Анализ диспозиции нормы, устанавливающей ответственность за нарушение пропускного режима охраняемого объекта, позволяет сделать вывод, что вид та-

кого объекта имеет значение исключительно для разграничения ч.ч. 1 и 2 ст. 20.17 КоАП РФ. Однако в практике деятельности судов встречаются случаи, когда судьи прекращали производство по делу об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 20.17 КоАП РФ, за отсутствием состава административного правонарушения, обосновывая это тем, что объект, на который было совершено самовольное проникновение, не является объектом, подлежащим государственной охране, перечень которых утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 14.08.1992 № 587 «Вопросы частной детективной (сыскной) и частной охранной деятельности», и охранялся частной охранной организацией, на нем не действуют правила пропускного режима охраняемого объекта, утвержденные федеральными законами от 14.04.1999 № 77-ФЗ «О ведомственной охране», от 7.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции», от 27.05.1996 № 57-ФЗ «О государственной охране» и т.п. (напр., постановление мирового судьи судебного участка № 104 судебного района г. Уссурийска и Уссурийского района Приморского края от 22.11.2017 № 5-920/2017).

Одновременно с этим вызывает сомнения обоснованность подхода законодателя, при котором характер и степень ответственности, выражающиеся в виде и размере наказаний, не соответствуют особенностям объекта, на который было совершено самовольное проникновение. Так, вне зависимости от того, проник ли правонарушитель на строительную площадку (например, постановление мирового судьи Кылтовского судебного участка г. Емва (Республика Коми) от 22.12.2017 № 5-808/2017), на территорию производственного предприятия, в тоннель метрополитена, на объект топливно-энергетического комплекса или на военный объект (например, постановления мирового судьи участка № 108 Спасского района (Приморский край) от 06.03.2017 № 5-101/2017, мирового судьи участка № 2 Ленинского района г. Владимира от 10.10.2017 № 5-406/17), правовые последствия для него будут идентичными,

как правило, за совершение таких деяний назначается наказание в виде административного штрафа в размере 3000 рублей.

На наш взгляд, целесообразно рассмотреть вопрос о внесении изменений в ст. 20.17 КоАП РФ, дифференцировать административную ответственность за нарушение пропускного режима исходя из вида объекта, на который было совершено проникновение.

Подводя итог сказанному, отметим, что, несмотря на сложившуюся практику применения ответственности, предусмотренной ст. 20.17 КоАП РФ, представляется целесообразной корректировка (конкретизация) ряда положений данной нормы, что обеспечит ее правильное толкование и применение.

Думается, что большинство обозначенных выше вопросов могут быть сняты путем закрепления в КоАП РФ примечания к статье 20.17 следующего содержания: «Под самовольным проникновением в настоящей статье следует понимать умышленное незаконное вторжение, входение (въезд) в охранную зону, на охраняемую территорию или в охраняемое помещение с нарушением установленных правил пропускного режима и нахождение в их пределах вне зависимости от продолжительности такого нахождения».

---

¹ Подр. см.: Селезнев В.А. Административно-правовой режим охраняемых объектов // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 109-120.

Рыдченко К.Д.,

кандидат юридических наук

Воронежский институт МВД России

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Правовой статус ребенка исторически существенно отличался по объему от совокупности прав и обязанностей «полноценного» гражданина (подданого) государства. Данный факт обусловлен, в первую очередь, эмоционально-волевой и интеллектуальной неполноценностью ребенка. Логичным формально-юридическим закреплением особого статуса несовершеннолетнего выступают его ограниченная деликтоспособность и особый механизм привлечения несовершеннолетнего к юридической ответственности.

Возраст совершеннолетия в различные исторические периоды также изменялся. Так, в доюстиниановскую эпоху существования Римской империи возраст совершеннолетия определялся индивидуально, исходя из физиологических и психических особенностей юноши или девушки. Лишь в 529 году были определены жесткие возрастные рамки совершеннолетия: 14 лет для мужчин и 12 лет для

женщин. Обращаясь к римскому праву, российский юрист Александр Невзоров в 1892 году отмечал: «Как бы там ни было, а все-таки как древние, так и позднейшие римляне различали несовершеннолетних от совершеннолетних, признавая необходимость установления опеки над первыми, потому, что дитя согласно римской норме "nullum in electum habet, non multum furiosodit fert"¹»².

Произшедшие после написания этих строк изменения в жизни общества, связанные во многом с гуманизацией нормативного регулирования и усложнением правоотношений, существенно не повлияли на общую концепцию распространения законодательных норм на несовершеннолетних.

В настоящей работе автор предпримет попытку сравнить взгляды российского и казахстанского законодателя на вопросы административной деликтности несовершеннолетних. Следует понимать,